

УДК 130.2

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ И ПРЕСТУПНАЯ СУБКУЛЬТУРА МОДЕРНА:
МЕЖДУ ЗНАНИЕМ И ТЮРЬМОЙ****INTELLECTUAL AND CRIMINAL SUBCULTURE OF MODERN:
BETWEEN KNOWLEDGE AND JAIL****Э.Н. Гущин, М.В. Новак
E.N. Gushchin, M.V. Novak**

*Белгородский государственный институт искусств и культуры, Россия, 308033, Белгород, ул. Королева, 7
State Institute of arts and culture, 7 Queen St, Belgorod, 308033, Russia*

E-mail: Eduard.Gushchin@gmail.com, novakmargarita@yandex.ru

Ключевые слова: маргинальность, криминал, субкультура, интеллектуальная субкультура, М.Фуко, система наказаний, капитализм, модерн, постмодерн.

Key words: marginality, crime, subculture, intellectual subculture, M. Foucault, the penal system, capitalism, modernism, postmodernism.

Аннотация. В статье рассматриваются практики взаимодействия субкультур в обществе модерна и постмодерна на примере развития маргинальных, криминальных и интеллектуальных формований в контексте истории системы наказаний в капиталистическом обществе (западном и российском). Основу изложения составляют как работы отечественных авторов, так и французского мыслителя Мишеля Фуко. Авторы обозначили проблемное поле, частично изученное другими учёными и философами, и дали собственные первичные определения.

Resume. The article discusses the practices of interaction of subcultures in society, modernism and post-modernism in the historical development of marginal, criminal and intellectual formation in the context of the history of the penal system in capitalist society (Western and Russian). Basis of presentation represent the work of local authors, and the French thinker Michel Foucault. The authors have outlined the problem field, partially understood by other scientists and philosophers, and gave their preliminary identification.

1. Понятие «субкультура»

Под субкультурой часто понимают «наиболее крупные сегменты целостных локальных культур (этнических, национальных, социальных), отличающиеся определенной местной спецификой тех или иных черт (или комплексов черт). В принципе любая культурно-специфическая группа в своих культурных особенностях может быть названа субкультурой (вплоть до «субкультуры императорского семейства»), но, как правило, наука до таких крайностей не доходит и определяет в качестве субкультур лишь культуры сравнительно крупных, компактно и относительно изолированно поселенных или иным образом выделяющих себя групп... Помимо субкультур, отличающихся от основной культуры какими-либо этническими, лингвистическими или конфессиональными признаками, существует множество субкультур, основанных на социальной или возрастной специфике. Например, молодежная субкультура, субкультура пенсионеров и людей пожилого возраста, субкультура среды инвалидов, субкультура гомосексуалистов и т.п.» [Флиер, с. 152, 153] Понятие «субкультуры», таким образом, уже изначально отражало нечто «недо-»: «недосоциализированное», «недоцивилизованное», «недокультурное» или антикультурное, т.е. нечто девиантное, и несло оттенок негативизма, что в последнее время уже преодолевается [Белоусова, Мельник и др. с. 30-41]. Субкультуры – сложный объект изучения гуманитарных наук, прежде всего, потому что в самой парадигме изучения субкультурных групп до сих пор не решены некоторые методологические вопросы.

Например, на сегодняшний день, ещё продолжается дискуссия о том, можно ли рассматривать общество как совокупность субкультур; как следует определять границы различных субкультурных групп [Щепанская, с. 30]. Ещё одной проблемой выступает взаимодействие субкультур, сопровождающееся, иной раз, «взаимообменом» культурного

фонда различных социальных групп [Щепанская, с. 30]. Уже достаточно укоренилось мнение о том, что субкультура – это не обязательно противопоставленное доминирующей культуре явление; более того, в субкультуру могут входить «несобранная» либо «неорганизованная» группа людей, объединение которой в какую-либо общность носит условный характер, по принципу «культурной» схожести между людьми; что следует изучать не только молодёжные субкультуры, или не только новые субкультуры.

Теория субкультур в отечественной философии культуры и культурологии развивается благодаря работам К. Б. Соколовой, Ю.В. Осокиной, Т.Б. Щепанской, В.П. Римского, О.Н. Римской, С.Н. Борисова, Е.Л. Омельченко, Е.Л. Левашовой, А.Н. Ильина, В.А. Лукова. Научное понятие «субкультура» потеснило другие подходы к культурной дифференциации общества с целью его изучения (существуют принципы разделения общества на классы, страты, малые группы, слои общества, этносы, этнокультурные группы и т.д.). И в этом «потеснении» есть своя логика и оправданность: научно-культурологическое описание общества обретают объём, многоплановость, «фактурность». Иллюстрацией к вышесказанному может служить классификация субкультур, предложенная К.Б. Соколовой, Ю.В. Осокиной [Щепанская, с. 30-31], которые разделяют субкультуры на половозрастные, социально-профессиональные, досуговые, религиозные, этнические. Т.Б. Щепанская отмечает, что помимо выделенных, существуют также территориальные, локальные субкультуры [Щепанская, с. 31]. Таким образом, любая попытка классифицировать субкультуры показывает как их многообразие, так и недифференцированность критериев, по которым они могут быть определены.

Изучение субкультурных групп неизменно должно дополняться изучением взаимодействия той или иной субкультуры с «доминирующей культурой», с другими субкультурами, существующими рядом, или противостоящими друг другу, возможно имеющими «родственное происхождение». Только такой сравнительный подход, позволяет адекватно определить место субкультуры в общественной культуре, приблизиться к решению вопроса о механизмах формирования субкультур, закономерностях их жизнедеятельности и т.п. Под взаимодействием субкультур можно понимать различные явления: поглощение одной субкультуры другой, полное совмещение субкультур (интеграция), или уже упомянутый «взаимообмен» культурным фондом, перенимание лишь одной субкультурой каких-то культурных черт субкультуры-«донора» (ассимиляция), противостояние (или противопоставление) субкультур друг другу, наконец сегрегация, заключающаяся либо в независимом существовании субкультур друг от друга, либо в сознательном избегании, изоляции от другой субкультуры (например, доминирующей) и т.д. Все эти процессы, вероятно, присутствуют и осуществляются в любом обществе, поскольку никакая субкультура не может существовать без динамики развития, в полной стагнации, в раз и навсегда запечатлённой форме. Процессы взаимодействия субкультур имеют и разный результат – упрощение культурных характеристик той или иной субкультуры, либо усложнение её, образование новых отличительных черт или характеристик.

Проблемами девиантного поведения различных групп, занимались такие отечественные авторы, как А. Михайлов, и в частности молодёжной группы – А.Ю. Аршавский, А.Я. Виякс, Е.Б. Балашов, С.В. Волкова, В.К. Катушонок, И.П. Башкатов, В.В. Бахарев, Данакин Н.С., И.П. Башкатов, Ю.А. Васильев, В.А. Васильева, С.А. Заврашин, О.В. Лапина, В. Лелеков, Ю. Прохоров, В.Ф. Пирожков, Петрова Г.О., Т.С. Сулимова, Т.Г. Татидивинова, Е.А. Глебова и др. Рассмотрению маргинальности как явления, посвящали свои работы А.Н. Олейник, С.Л. Скорьнин, Л.И. Кемалова, Ю.Д. Парунова И.М. Прибыткова, Д.С. Жуков, С.К. Лямин А.В. Пестриков, И.В. Могдалева, С.П. Гурин, М.Горбулева, Л.Шабанов, О.Н. Галсанамжилова. Подчеркнём, что маргинальная субкультура – также сложное по своим составляющим, система, в которую входят различные слои населения – криминал, люди с девиантным поведением, психические больные, надломленные люди, оппозиционеры, провокаторы, анархисты, политически неустойчивые групп и т.д. Отметим, что как маргинальная, так и интеллектуальная субкультуры сегодня достаточно активно изучаются научным сообществом. Преступность, преступление, преступник как научные категории, принадлежащие психологии, юриспруденции, социологии, философии исследованы в работах Г. Тарда, Д.Ю. Некрасова, В.В. Волкова. Тюремную субкультуру исследовали Н.В. Тищенко, Н.Д.Узлов, С.Ш. Арасланов, а криминальную – Т.Б. Щепанская, Д.Г. Донских, И.В. Костерина, В.Ф. Пирожков, В.А. Радзиевский, В.В. Шемякина, В.В. Гаврилюк (гопники), И.В. Туровский, А.А. Тайбаков.

2. Криминальная и интеллектуальная субкультуры в эпоху модерна и постмодерна

Как представляется, значительную степень активности в культуре эпохи модерна и постмодерна, проявляют две субкультуры (или два субкультурных объединения) – криминальная и интеллектуальная. И та и другая субкультуры могут приобретать характеристику маргинальности. А иногда – обрести статус доминирующих или признанных групп (например, в 90-е годы криминальная субкультура была популярна как объект художественного отображения в кино, телепередачах, литературе). Если проанализировать новостные сообщения различных телеканалов, газет, журналов, можно заметить, что значительную часть информации составляют новости о громких судебных процессах, криминальных проишествиях, бытовых и экономических преступлениях, а также о различных научных достижениях, особенно в области сложных технологий (например, новости о медицине, CERNе, технических новинках, запуске космических кораблей, вручении крупных научных премий и т.д.). Это показывает, что субкультура научной сферы частично вплетена в жизнь даже обычного человека, никак не связанного с интеллектуальными разработками, что обществу немаловажны интеллектуальные достижения, которые демонстрируют уровень развития того или иного государства; а интерес к криминальным новостям и фактам жизни преступников выдаёт общественные страхи, проецирует мнимые или реальные «угрозы повседневности».

Анализ философской литературы (в частности, работ М. Фуко) позволяет сделать вывод, что на протяжении двух веков интеллектуальная и криминальная субкультуры равно стремились к таким ценностям как власть, свобода, обретали характеристику мобильности субкультуры (при этом свобода и мобильность могут являться одними из составляющих власти). В этой позиции *знание* и *несвобода* противостоят друг другу, однако, это не означает, что маргинальная субкультура противостоит интеллектуальной. Попробуем проследить эти субкультуры и их отношения в данной статье.

Если говорить об обществе модерна, обретающем черты постмодерна, то следует упомянуть примечательное явление из жизни субкультур – многие из них утрачивают позиции противостояния друг другу. Можно говорить об этом явлении, как наблюдаемом в некоторых случаях, но гораздо сложнее понять его природу: возможно, это происходит потому, что исчезают некоторые предпосылки противостояния, конфронтации; возможно, общество само ищет возможность к большей толерантности, и, наконец, причиной может быть *подвижная иерархия общества* модерна и постмодерна [См.: Римский, с. 14-23; Фатенков, с. 47-57], многоуровневая иерархия, которая, отчасти, снимает вопрос противостояния. Субкультуры структурно усложняются, включают в себя различные общественные группы и представителей из разных кругов общества. Так, например, в криминальную субкультуру оказываются включёнными люди с хорошим образованием, интеллектом и талантами (а не только маргиналы в полном смысле слова), а сами преступления усложняются и требуют высочайших технологических разработок или узкого специализированного знания.

Зарождение модерна принято связывать с условно выделенными историками эпохой Нового времени. Общественное мнение часто противопоставляет друг другу маргинальную и интеллектуальную субкультуры (сравним оппозицию «гопник – ботаник», или «учёный – маргинал», а «нищий», «бомж», «тунеядец» вообще противостоят любой профессиональной определённости); однако практики взаимодействия этих субкультур гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Разве можно не признать в некоторых интеллектуалах – учёных, мыслителях некоторых черт маргинальности – босом и нищем Сократе, бездомном Диогене Синопском, гонящем пауков одиночке Барухе Спинозе. Поскольку существует примеры признания научным сообществом феномена интеллектуальной маргинальности (И.В. Могадлёва рассматривает это явление) [Могадлёва, 2013], можно утверждать, что интеллектуальная и маргинальная субкультуры способны к некоторой интеграции.

Если описывать интеллектуальную субкультуру, то, пожалуй, следует сказать, что это не всегда «собранное сообщество», организованное лишь частично, её составляют ряд субкультур, зачастую, не связанных друг с другом. Однако интеллектуальную субкультуру необходимо признать целостным явлением, поскольку в субкультурах её составляющих, присутствуют схожие ценности, практики, мировоззрение, образ жизни, схожа среда существования, коммуникативные связи.

К интеллектуальной субкультуре в России традиционно относились, во-первых, различные профессиональные субкультуры, связанные с интеллектуальным трудом – субкультура врачей, учителей, юристов, священников. Эти профессиональные сообщества располагают большим уважением общества.

Среди названных профессиональных сообществ, безусловно, существуют в большей или меньшей степени элитарные группы, причём профессиональное сообщество, чаще всего, само определяет эту элитарность. Не раз приходилось слышать о том, что самые привилегированными (и обеспеченными) врачами сами медицинские работники называют стоматологов и гинекологов, причём в западной обществе в этот круг входят психотерапевты. В мире юриспруденции, до недавнего времени, негласно считалось, что быть адвокатом лучше, чем прокурором или судьёй (вероятно, это связано со степенью профессионального риска). Кроме этого, в интеллектуальную субкультуру, со всей очевидностью входит научное сообщество, часть интеллигенции (Д. Горецкий, А. Юров говорят о том, что интеллигенция является лишь потребителем и транслятором продукта интеллектуалов [Горецкий, Юров]) и часть так называемой «богемы», людей из мира искусства.

Исследованием феномена интеллектуальности, интеллектуализации, субкультурой интеллектуалов и интеллигенцией (иногда отождествляя эти понятия) в разное время занимались как западные – М. Фуко, Ф. Лиотар, Р. Дарендорф, П. Брюкнер, Р. Арон, Ж. ле Гофф, – так и отечественные авторы – В.Л. Иноземцев, В.П. Бабинцев, В.П. Римский, С.Н. Борисов, Е.А. Бондаренко и другие [См.: Бабинцев, Римский с. 16-28; Борисов, Бондаренко, Римский с. 5-19]. Широкий интерес научного сообщества к интеллектуалам объясним не только как попытка рассмотреть «самих себя». Нашу современную жизнь сопровождает феномен интеллектуализации. Крупнейший социолог Г. Зиммель указывал на растущую свободу человека в связи с интеллектуализацией жизни и развития экономики. Используя характеристику величины той или иной группы, он показал её связь со степенью индивидуальности и свободы членов группы. Так расширение группы приводит к росту возможностей социализации и интеллектуализации [Громов, Мацкевич]. Подтверждение теории Г. Зиммеля демонстрирует зарождение принципов «большой науки» в связи с развитием капитализма в Европе, в новое время, как раз в то время, когда в полной мере формировалась субкультура интеллектуалов.

Таким образом, наша гипотеза о том, что границы субкультуры интеллектуалов довольно непрочны, косвенно подтверждается – слишком много общественных групп (довольно больших групп, если такой термин позволят применить социологи), используя различные параметры и критерии (уровень образования, наличие статуса учёного, общая эрудиция, информированность, креативность – это не одно и то же) могут причислять себя к «клану» интеллектуалов, которые, как раз, и «ведут» в своём развитии общество.

Можно предположить, что интеллектуализация оборачивается своеобразным общественным защитным психологическим механизмом, позволяя объяснить (и пережить) всё – в том числе, негативные явления и стороны жизни. Кажется, что подобную роль в прошлом выполняли различные священные тексты, в которых прежде искали ответы на любые вопросы. Напрашивается вывод, что современное интеллектуализированное общество – это структура, наделённая большой свободой действия, хотя, религия не способствовала большой свободе индивида.

Маргинальность – термин, выдвинутый Э. Парком в работе «Человеческая миграция и маргинальный человек», и некоторое время термин использовался в связи с рассмотрением проблем аккультурации. Затем, Э. Хьюз предложил связать маргинальность с неопределённой социальной идентификацией. Так, маргинальным может считаться человек, который идентифицируется с двумя статусами или референтными группами [См.: Сергеев с. 492-493]. Таким образом, интеллектуал, рискнувший оказаться меж двух социальных групп признаётся обществом, не терпящим неопределённости, маргинальным (достаточно вспомнить обвинение в тунеядстве И. Бродского), а поскольку интеллектуал в силу своей природы оказывается где-то посередине (реальности (интеллектуалы и мечтатели и практики), правды (в том числе и посередине игры и «правды жизни»), общества), он легко причисляется обществом к маргинальной субкультуре.

В истории России существовал период, когда интеллигенция противопоставлялась рабоче-крестьянскому, пролетарскому обществу, не просто условно, а даже демонстративно, причислялась к маргинальным субкультурам (трудящиеся шаражек, барды, некоторые диссиденты балансировали на грани интеллектуальности и маргинальности). И раньше (А.Н.

Островский в пьесе «Без вины виноватые» рисует маргинальность актёрского мира), и в советское время в частности, на грани маргинальности и чрезвычайного утончённого интеллектуализма находилась талантливая советская богема. В своё время, психолог Т. Шибутани указал, что «...обязательного соотношения между маргинальным статусом и личностными расстройками душевного состояния не существует. Часто маргинальные личности формируют свои сообщества и следуют их ценностям. Невротические симптомы развиваются чаще у тех, кто пытается идентифицировать себя с высшей стратой и бунтует, когда их отвергают. Положительный исход маргинальной ситуации для личности – высокая творческая активность» [Сергеев с. 492-493]. Таким образом, интеллигенция, ощутив в какой-то период времени кризис, перешла в творческие профессии.

Среди характеристик, отличающих криминальную субкультуру, М.В. Гусев отмечает: «1) наличие враждующих асоциальных группировок; 2) жесткая групповая стратификация (иерархия ролей); 3) наличие системы мелких исключений для «верхов»; 4) психологическая и физическая изоляция «отверженных»; 5) наличие кличек; 6) распространение азартных игр; 7) распространение тюремной лирики и блатных (уголовных) песен; 8) распространение уголовного жаргона; 9) распространение татуировок; 10) насаждение тюремных традиций и воровских клятв; 11) вандализм» [Гусев, с. 113].

Наиболее яркий пример описания как антропологии наказания, маргиналов, (криминала и сумасшедших), так и образа интеллектуала и его отношений с обществом дал французский философ XX века Мишель Фуко. Его знакомство с работами Ф. Ницше позволило понять, что за познанием стоит стремление к власти [Дьяков, с. 63]. Обратное состояние – безумие является «гарантом интеллектуальной и духовной свободы человека» [Дьяков, Власова с. 52]. Заметим, что обратное утверждение тоже может быть справедливо: выход из-под контроля общества может быть расценен как выход «за норму», движение в сторону безумия. Криминальный мир всегда старался выйти из-под контроля общества, (самоорганизоваться или саморассогласоваться – но не испытывать давление извне). Таким образом, и в «блажи» интеллектуалов, в их «умном безумии» и в агрессии криминала видна потребность свободы – общественной, над-личностной, над-временной (криминал – древнейшая структура).

Современные отечественные исследователи прослеживают это стремление на практическом уровне: например, С.И. Шпак отмечает, что представителей криминальной субкультуры отличает стремление к личной свободе [Шпак, с. 272]. Но если для криминалитета свобода понимается как «свобода действия», то для интеллектуальных кругов – это, прежде всего, «свобода мысли»; при этом интеллектуальную культуру можно упрекнуть в некоторой инертности действий, пассивности, даже беззащитности. В то же время, модерн можно охарактеризовать как время нарастающей поведенческой свободы субъекта и борьбы личного сознания с общественным сознанием. Например, М. Фуко в некоторых работах упоминает, что современное общество постепенно переходит от контроля тела к контролю сознания (что, вероятно, невозможно без участия интеллектуалов, и без смены сторонней позиции на участвующую).

3. Между тюрьмой и знанием: криминальное и интеллектуальное в философии М. Фуко и реальной истории

В работе «Ненормальные» М. Фуко определяет преступление как действие (пусть не всегда напрямую) затрагивающее властителя, шедшее вопреки его воле и интересов. В каждом преступлении, пишет М. Фуко, есть «толика царубийства» [Фуко, с. 108]. Эта мысль позволяет перейти к определению преступности и маргинальности: это всё то, что отдаляет человека от общества. Криминальность (и маргинальность) можно рассматривать как явление не приближающее, а отдаляющее какого-либо субъекта, группу людей от элитарных групп (и в этом смысле античные философы правы – исход из элитарной массы позволял наблюдать за происходящей реальностью более пристально). Поясним, что на наш взгляд, общество образно можно представить как явление с постоянными динамичными процессами: часть групп, его составляющих бесконечно далека от элит и бесконечно к ним приближается (естественно, такое движение может не заканчиваться ничем – оно практически бесконечно в исторической перспективе), существуют и обратное, противоположное движение, когда другая часть групп бесконечно удаляется от властного центра, от элитарных групп (власть и элита могут отождествляться или нет). Например, криминальные субкультуры, на протяжении многих веков противопоставлялись обществу, однако нельзя сказать, чтобы в

итоге криминальная субкультура выпала из какой-либо культуры, общества, была уничтожена или искоренена.

Как указывают А.В. Дьяков и О.А. Власова, М. Фуко разделяет области человеческой деятельности на четыре категории: «1) экономическое производство; 2) воспроизводство общества (сексуальность и семья); 3) речевые практики (говорение); 4) игровая деятельность. Соответственно этому, во всех обществах выделяются лица, поведение которых выходит за рамки правил, определяемых этими четырьмя областями, т.е. маргиналы: 1) те, кто уклоняется от экономического производства; 2) люди с сексуальной девиантностью; 3) лица, ускользающие от нормы дискурса; 4) лица, исключённые из игр и празднеств» [Дьяков, Власова, с. 52-53]. Изучая данную классификацию, можно провести неполную параллель с криминальной субкультурой, в которую входит, точно также, различные категории людей, совершившие разные преступления (экономические, преступления против личности и вопреки праву частной собственности и т.д.).

Отметим, что только в XIX-XX (общество модерна) вв. стал возможен новый вид преступлений – «информационное преступление», «преступный дискурс» (умышленная клевета и очернение чести и достоинства человека, в том числе и в средствах массовой информации, нарушение авторских прав и плагиат, ложная информация, распространяемая с целью уничтожить конкурентов по бизнесу, подстрекательство к вражде и ксенофобии, пропаганда терроризма, насилия и общественно порицаемого поведения (самоубийства, наркомании, педофилии, каких-либо извращений), реклама товаров, способствующих вредным привычкам, нездоровому образу жизни, информационное растление детей и т.д.), хакерство. Законодательные структуры разных стран откликнулись на это явление введением новых законов, и такая юридическая практика только начинает набирать обороты. Появляются новые виды наказания за информацию и её распространение, или, наоборот – использование, причём в новые виды наказания включены практики воздействия именно через информацию – которая является ценностью информационного общества.

М. Фуко подготавливает читателя к выводу о том, что общество переходит от практики «контроля-над-телом» к практике «контроля-над-мыслью» (или разумом). Возможно, катализатором подвижной иерархии общества модерна, составляющих его субкультур, во многом стремится выступить если не знание, то информация. Именно информация может объединять людей, а информированность способствует единому поведению в субкультурах (вспомним о влиянии западной моды на появление различных субкультур в России в 90-е годы – тиражированные образы как раньше, так и теперь копируются современными российскими подростками и молодёжью).

Постоянное (в исторической перспективе – чаще всего успешное) изгнание маргиналов из элитарных групп, показывает, что маргинальная и элитарная субкультура иногда находятся предельно близко друг от друга, фактически сливаясь, но в результате всё же дифференцируются общественными процессами и усилиями. Примерами «маргиналов-власти» могут служить личности первого и второго Лжедмитриев, Петра III и Павла I, которые не были поняты и приняты до конца своим окружением, дворянством, аристократией. Их мнимая, приписываемая окружением «маргинальность» (не по родству и привычкам, а по действиям, которые были так восприняты), во многом определялась двояким статусом российского монарха и человеком, подыгрывающим западной культуре.

Исторически, конечно, существуют примеры, когда маргинальные группы проникали в «верха», становясь элитарными группами – это история всевозможных революций и переворотов. Но и такое «движение» - не в сторону элит, не в стремлении сотрудничать с ними, интегрироваться, перенять культурные характеристики, а против них. Образно выражаясь, общество – та же Вселенная, со своими «взрывами сверхновых» (появление субкультур), «годовым параллаксом» (динамика субкультурных групп). Конечно, возникает вопрос, что считать центром (т.е. где граница элитарных, властных групп). Отметим, что «центр», как правило, тоже находится в движении, динамике, развитии.

Изменение субкультурных групп демонстрирует феномен *подвижной общественной иерархии*, способной выстаиваться как по «вертикальному», так и по «горизонтальному» принципу. Таким образом, субкультура может с большей вероятностью включать в себя совершенно различные группы людей, а границы субкультуры будут более размытыми, склонными к «миграции». Мы видим, что с увеличением доли образованных людей в разных странах, в течение XX века, в субкультуру интеллектуалов стали входить самые разные круги и представители.

В некотором смысле интеллектуальная субкультура в большей мере приближена к элитарным кругам, и в современном мире признана всё нарастающая корреляция между интеллектуалами и властью в обществе, ценящем информацию. Но, поскольку информация, всё же, не приравнивается к знанию, а связана с вопросом хорошо налаженных коммуникаций, возникает ситуация «ложных» интеллектуальных кругов, которые имеют возможность маргинализировать науку, сделать фикцией – образование, а в итоге – изменить то или иное общество.

М. Фуко отмечает, что политика – традиционное занятие интеллектуала, в силу его положения в буржуазном обществе. По мнению французского философа, власть и знание предполагают друг друга. Он выделяет два типа интеллектуалов – «проклятого» и тип «интеллектуала-социалиста». Автор заключает, что в настоящее время общество не нуждается в интеллектуалах ради знания, а роль интеллектуала – быть частью системы власти, «совестью» общественных отношений, бороться против всех видов власти (заметим – что это может породить некоторый идеологический, культурный хаос) [Фуко]. Также М.Фуко добавляет, что власть бесконечна, но не всецельна [Фуко]. Однако, как показывают некоторые работы, интеллектуальная субкультура также может стремиться к независимости от любой общественной власти, сохранить расстояние между собой и властными структурами.

Д. Горещкий, А. Юров выделяют виды отношений интеллектуалов и власти: союз, оппозиция, уход и альтернатива. Говоря о последней стратегии, авторы указывают, что она включает в себя и «создание собственных сообществ, претендующих на статус «независимого альтернативного социального пространства» [Фуко]. Безусловно, такая стратегия предполагает выстраивание новой иерархии, структуры субкультурной группы, определённые изменения как внутри группы, так и по отношению к остальному обществу.

Перед нами вновь случай подвижной иерархии, выстраивающейся не обязательно «вертикально», но и «горизонтально». Почти во всех четырёх стратегиях интеллектуалов по отношению к власти, мы можем увидеть чёткое дистанцирование от властных групп, сохранение своей собственной внутренней субкультурой структуры. На наш взгляд, одной из самых используемых исторических стратегий поведения российских интеллектуалов являлся именно уход, перерастающий в создание какой-либо альтернативы. Возможно поэтому, российского интеллектуала обвиняют в отсутствии ответственности перед обществом и историей, безразличии к происходящим событиям, когда чувство самосохранения перекрывает все остальные и даже влечёт за собой подобие антипатриотизма или отказ от Родины (проблема российской эмиграции и «утечки мозгов»). Особенно интересно об этом размышлять, если вспомнить ещё одну идею М.Фуко – о том, что существует 4 типа обществ по типу «избавления» от живых людей: общества бойни и ритуальных убийств, общества ссылки, общества реабилитации, общества заключения. Капиталистическое общество является обществом заключения [Фуко, с. 10].

В российском обществе XIX века, которое несло в себе все признаки «от» и «до» модернизирующегося общества (как в техническом, так и в социальном отношении) с признаками капитализма, на протяжении всего времени (вероятно, начало этому положено указами императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II о запрете смертной казни) именно ссылка (политическая казнь) была основным, социально наиболее важным вариантом наказания, подходившем под любой, выходящий в сторону криминала случай и годный для всех слоёв населения – как для закоренелого душегуба, так и для дворянина – революционера. Это необязательно ссылка в Сибирь, в тяжёлые условия жизни – возможно лишь ссылка в собственное поместье. Две самые страшные тюрьмы – Шлиссельбургская и тюрьма Петропавловской крепости – представляют собой символическое подобие ссылки – обе расположены на островах, и именно из-за условия отдалённости от всего мира, Шлиссельбургская тюрьма (на остров плохо проникают даже звуки извне) была наиболее тяжким вариантом наказания. Опасения Екатерины II, её попытки справиться с вольнодумством – это предвиденье «наступления интеллектуалов», которое начнётся по-настоящему, возможно, только с декабристами. В более ранние времена смуту породил совсем другой класс (восстание Емельяна Пугачёва, и гораздо ранее – Стеньки Разина).

В XIX веке возникает субкультура каторжан – в европейской литературе в это время появляются романтизированные образы заключённых и ссылке (у В.Гюго, А.Дюма), романтизируются и образы реально живших людей – поэтов А.С. Пушкина сосланного в Михайловское и М.Ю.Лермонтова, сосланного на Кавказ. Отечественная интеллигенция, испытав на себе наказание ссылкой, в какой-то степени приняло её как упомянутую

альтернативу создания своего социально-культурного пространства, дающего возможность творческой деятельности и самовыражению. Ещё одним вариантом ссылки является отъезд за границу по собственному решению или иммиграция, участие в крупных исторических и политических событиях (деятельность А.С. Грибоедова). В редких случаях интеллигент сам себя изолирует от общества.

Как представляется, ссылка (изгнание) – одна из наиболее древних форм наказания, наряду с ритуальным убийством. Трагическая гибель Сократа, выбравшего смерть, а не изгнание, показывает, что последний вариант наказания не менее тяжёлый и более позорный, в представлении людей прошлого. Многие современные государства законодательно отказываются от использования наказания ссылкой, что не мешает существованию ссылки или изгнания в многоликих символических формах (например, изгнание может быть информационным). В XX-XXI веке отмечается большое количество разнообразных преступлений (хотя нет возможности сравнивать уровень жестокости преступлений прошлого и настоящего), а капиталистическое общество перешло к частому использованию заключения как меры пресечения и меры наказания преступлений.

Возможно, такая связь типа общества и традиций наказания может быть объяснена следующим образом. Ссылка как культурное явление связана с представлениями о территориях и территориальности государства у населения и представителей власти. Наказание ссылкой широко применялось в государствах с территориями, владение которыми было «неудобным», «затруднительным» в силу их отдалённости, плохих качеств земли или небольших природных ресурсов. Она избиралась, как наказание, в государствах с сильной авторитарной властью, с монархией (например, Великобритания и Россия). Ссылочные люди заселяли отдалённые или малонаселённые территории, символически подтверждая, таким образом, права монарха на владение удалёнными или спорными областями; они хоть и изгонялись из общества, но оставались подданными монарха. Несмотря на общественный позор, в ссылке есть некоторые привилегии, которые сохраняют за собой опальное дворянство: привилегия остаться живым, возможность заниматься, хотя бы немного, своей жизнью и интересами (Например, А.Д. Меньшиков в ссылке смог построить деревянную церковь). Менее привилегированные заключённые оканчивали свою жизнь не в ссылкой, а казнью (Е. Пугачёв, С. Разин). Заключение более предпочтительно в буржуазном обществе, где земля, территория не только возводится в одну из главных материальных ценностей, но и разделяется общественными группами (а при сохранении монарха, в его владениях могут быть незначительные территории). Возможно, каторга на раннем этапе развития буржуазии была предпочтительна как радикальный вариант труда, часто связанного с тем или иным освоением и обработкой земли.

Но правильно ли рассматривать наказание как результат изменений взглядов, общественного уклада, идеологии только общества, но не изменений самой криминальной или маргинальной субкультуры? Наказание выбирается обществом по принципам не только «удобства» в широком смысле, но и действенности. Общество, разделяя какие-либо взгляды, может столкнуться с группой лиц, которая выходит за рамки той или иной культуры, идеологии, системы мышления – и наказание перестаёт действовать. Например, система наказания царской России не повлияла существенно на рост революционного, антимонархического движения. Пролетариат был уже несколько оторван от земли (в отличие от крестьянства в провинции), а смерть революционера обретала священность через понятие жертвенности, наделялась символическим значением (революционная символика близко подходит к древним сакральным символам – крови, огню и т.д.).

В работе «Надзирать и наказывать» М.Фуко отмечает, что общество судит, в основном, страсти, инстинкты, аномалии, физические недостатки, неприспособленность, последствия воздействия среды или наследственность. Это замечание обнаруживает у маргиналов, криминалитета (да и у интеллектуальных групп) слабо развитые механизмы социальной адаптации к обществу и общественным явлениям.

В заключение, можно с уверенностью утверждать, что и маргинальная и интеллектуальная субкультуры одинаково стремились к лидерским позициям в обществе модерна, и сейчас эти субкультуры представляют собой динамично развивающиеся, доминирующие общественные группы. Например, маргинальную субкультуру за последний век стало составлять большее разнообразие малых субкультур: XX век открыл всевозможные протестные движения, сформировал способы бунта, произвёл его в фактор взросления как общества, так и индивида. Интеллектуальная субкультура открыла новые механизмы

вхождения в интеллектуальные круги (в силу возросшей, но не возрастающей доступности образования), предлагает новые формы власти (власть символов, информационный контроль, мифологизация, манипулирование общественным мнением и т.д.). На протяжении истории интеллектуалы характеризовались как культурной, так и ролевой маргинальностью (терминология Дж.Б. Манчини [Сергеев, с. 493]) – в разной степени. Так, ролевая маргинальность интеллектуалов присутствовала в первые годы после Октябрьской революции, когда интеллектуалы показались ненужными в обществе, а культурная маргинальность присуща интеллектуальным кругам сегодня, поскольку, как правило, эти круги противостоят массовой культуре и обществу потребления.

Список литературы References

1. Бабинцев В.П., Римский В.П. Матрица русофобии и ментально-антропологические типы русской интеллигенции // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №16 (159). Вып. 25. Белгород, 2013. С. 16-28.
Babintsev V.P., Rimskiy V.P. Matritsa rusofobii i mental'no-antropologicheskiye tipy russkoy intelligentsii // Nauchnyye vedomosti BelGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo». №16 (159). Вып. 25. Belgorod, 2013. S. 16-28.
2. Бабинцев В.П., Римский В.П. Бюрократизация вуза как антиинтеллектуальный процесс // Наука. Культура. Искусство. Рецензируемый научный журнал БГИИК. №4. Белгород, 2014. С. 5-17.
Babintsev V.P., Rimskiy V.P. Byurokratizatsiya vuza kak antiintellektual'nyy protsess // Nauka. Kul'tura. Iskusstvo. Retenziruyemyy nauchnyy zhurnal BGIK. №4. Belgo-rod, 2014. S. 5-17.
3. Борисов С.Н., Бондаренко Е.А., Римский В.П. Культурный капитал и интеллектуальные субкультуры в античном духовном производстве. Статья 1 // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №9 (180). Вып. 28. Белгород, 2014. С. 5-19.
Borisov S.N., Bondarenko Ye.A., Rimskiy V.P. Kul'turnyy kapital i intellektual'nyye subkul'tury v antichnom dukhovnom proizvodstve. Stat'ya 1 // Nauchnyye vedomosti BelGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo». №9 (180). Вып. 28. Belgorod, 2014. S. 5-19.
4. Борисов С.Н., Бондаренко Е.А., Римский В.П. Культурный капитал и интеллектуальные субкультуры в античном духовном производстве. Статья 2 // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №16 (187). Вып. 29. Белгород, 2014. С. 5-11.
Borisov S.N., Bondarenko Ye.A., Rimskiy V.P. Kul'turnyy kapital i intellektual'nyye subkul'tury v antichnom dukhovnom proizvodstve. Stat'ya 2 // Nauchnyye vedomosti BelGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo». №16 (187). Вып. 29. Belgorod, 2014. S. 5-11.
5. Бондаренко Е.А., Борисов С.Н., Римский В.П. Интеллектуальные субкультуры в Средние века и эпоху Возрождения // Наука. Искусство. Культура. Научный рецензируемый журнал БГИИК. Белгород, 2014. № 4. С. 178-184.
Bondarenko Ye.A., Borisov S.N., Rimskiy V.P. Intellektual'nyye subkul'tury v Sredniye veka i epokhu Vozrozhdeniya // Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. Nauchnyy retenziruyemyy zhurnal BGIK. Belgorod, 2014. № 4. S. 178-184.
6. Горецкий Д., Юров А. Гуманитарият, или о месте интеллектуалов в социальном пространстве [Эл. ресурс]. URL: http://www.pgpalata.ru/reshr/ap_01.shtml.
Goretskiy D., Yurov A. Gumanitariyat, ili o meste intellektualov v sotsial'nom prostranstve [El. resurs]. URL: http://www.pgpalata.ru/reshr/ap_01.shtml.
7. Громов И.А., Мацкевич А.Ю. Западная теоретическая социология. Формальная социология Г. Зиммеля [Эл. ресурс]. URL: http://society.polbu.ru/gromov_sociology/ch16_all.html.
Gromov I.A., Matskevich A.YU. Zapadnaya teoreticheskaya sotsiologiya. Formal'naya sotsiologiya G. Zimmelya [El. resurs]. URL: http://society.polbu.ru/gromov_sociology/ch16_all.html.
8. Гусев М.В. Проблема распространения криминальной субкультуры в России. // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2007. №5. С. 112-115.
Gusev M.V. Problema rasprostraneniya kriminal'noy subkul'tury v Rossii. // Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2007. №5. S. 112-115.
9. Дьяков А.В. «Открытая философия»: Фуко и Ницше // Хѳра. 2007. №1/2. С.61-68.
D'yakov A.V. «Otkrytaya filosofiya»: Fuko i Nitsshe // Chѳra. 2007. №1/2. S.61-68.
10. Дьяков А.В., Власова О.А. Мишель Фуко в пространстве клиники // Хѳра. 2008. №1. С. 50-62.
D'yakov A.V., Vlasova O.A. Mishel' Fuko v prostranstve kliniki // Chѳra. 2008. №1. S. 50-62.

11. Могдалёва И.В. Роль маргинала-интеллектуала в развитии общества // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). №1(21). 2013. URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/64/o>.

Mogdalova I.V. Rol' marginala-intellektuala v razvitii obshchestva // Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyy nauchnyy zhurnal). №1(21). 2013. URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/64/o>.

12. Римский В.П. Православие и русская культура в XXI столетии: опыт культурологического прогноза // Христианство и культура: Научно-богословский сборник / Под ред. В.П. Римского. Белгород, 2002. С. 14-23.

Rimskiy V.P. Pravoslaviye i russkaya kul'tura v XXI stoletii: opyt kul'turologicheskogo prognoza // Khristianstvo i kul'tura: Nauchno-bogoslovskiy sbornik / Pod red. V.P. Rimskogo. Belgorod, 2002. S. 14-23.

13. Сергеев Е. Маргинальность // Новая философская энциклопедия. М. : Мысль. 2010. Т. 2. С. 492-493.

Sergeyev Ye. Marginal'nost' // Novaya filosofskaya entsiklopediya. M. : Mysl'. 2010. T. 2. S. 492-493.

14. Фатенков А.Н. К онтологическим истокам идеи подвижной иерархии / А.Н. Фатенков // Вопросы философии. 2008. №5. С. 47-57.

Fatenkov A.N. K ontologicheskim istokam idei podvizhnoy iyerarkhii / A.N. Fatenkov // Voprosy filosofii. 2008. №5. S. 47-57.

15. Флиер А.Я. Культурология для культурологов. М., 2000.

Fliyer A.YA. Kul'turologiya dlya kul'turologov. M., 2000.

16. Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году. СПб.: Наука, 2005.

Fuko M. Nenormal'nyye: Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1974-1975 uchebном году. SPb.: Nauka, 2005.

17. Фуко М. Интеллектуалы и власть [Эл. ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_03.php

Fuko M. Intellektualy i vlast' [El. resurs]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_03.php

18. Фуко М. Восстановить бесполезно? [Эл. ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz%20/2011/5/fu2.html>.

Fuko M. Vosstavat' bespolezno? [El. resurs]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz%20/2011/5/fu2.html>.

19. Фуко Мишель Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 2 / Пер. с франц. И. Окуневой под общей ред. Б. М. Скуратова. М.: Практис, 2005.

Fuko Mishel' Intellektualy i vlast': Izbrannyye politicheskiye stat'i, vystupleniya i interv'yu. Chast' 2 / Per. s frants. I. Okunevoy pod obshchey red. B. M. Skuratova. M.: Praksis, 2005.

20. Шпак С.И. Криминальная субкультура как социальный феномен // Общество и право. 2012. № 2 (39). С. 271-275.

Shpak S.I. Kriminal'naya subkul'tura kak sotsial'nyy fenomen // Obshchestvo i pravo. 2012. № 2 (39). S. 271-275.

21. Щепанская Т.Б. Традиции городских субкультур // Современный городской фольклор. М.: РГУ, 2003.

Shchepanskaya T.B. Traditsii gorodskikh subkul'tur // Sovremennyy gorodskoy fol'klor. M.: RGGU, 2003.